

«Вспоминаю военное детство...»

...КОГДА началась война, мне не было четырёх лет. Мы жили в г.Людиново Калужской области. Сначала - с родителями отца, но в 40-м году мой отец, Пётр Сергеевич Фандеев, выстроил дом на новой улице, на краю города. Дом — большой, пятистенный, бревенчатый. Но доделать не успел. Помню, что ещё в мае 1941-го отца забрали на переподготовку, а перед самой войной, недели за две, отец прискакал домой на лошади. Я в окошко его увидела, кричу: "Мама, папка приехал!". Отец вошёл на порог - такой большой, статный, красивый, подхватил меня на руки, поднял над головой высоко, расцеловал. И - к матери. Они о чём-то поговорили немного, наверное, и пяти минут не прошло, и отец — снова к выходу. Я — к нему, а он погладил меня по голове: "Не горюй, дочка, всё будет хорошо!". И ушёл. Больше мы его не видели. Мать осталась одна с двумя детьми: помимо меня, у неё на руках был грудной братишка.

А потом началась война. Город заняли немцы. Помню, как шли они по нашей улице, как тащили из дворов живность: кур, поросят, у кого что могли забрать... По настоянию деда, который почти сразу ушёл партизанить, мы снова вернулись в их дом, где и без того народу было много: бабушка, отцовы сёстры с детьми... Детей было много, и все есть просили... Припасы кончились быстро. Ели суп из крапивы, варили щавель, колосья шелушили, готовили овсяный кисель. Собранную по осени на огороде картошку бабушка берегла для партизан. Помню, как по ночам дед приходил с несколькими мужчинами. Они сидели за грубо сколоченным столом, тихо переговаривались. Под столом - коптилка, окна наглухо занавешены. А бабушка сварит картошку, потолчёт, поставит в печку томиться, потом - на стол: мужчин сначала накормит, а тогда уж и нам, что останется. Сковородка хоть и большая, да и нас немало: всем по ложечке. Я кусочек в рот по-

ложу и смакую, растягиваю удовольствие. Мой четырёхмесячный братишка от голоду плакал, не переставая, так мама ему и мою порцию отдавала, чтобы только замолчал: ведь любой шум в доме мог показаться немцам подозрительным, и тогда они палили из автоматов по окнам.

А в один из осенних ночей дед и его друзья из партизанского отряда попали в засаду. Их выследили, когда они уходили в лес. Сквозь засаду они прорвались, но убежать пришлось через речку, по тонкому льду, и дед провалился в ледяную воду. Его вытащили, но дед заболел воспалением лёгких. Домой он больше не возвращался, поскольку немцы стали часто облавы устраивать, а через месяц умер. Вслед за ним, через двадцать дней, умерла и бабушка. От горя, видимо. Она всё это время плакала, обнимала ребятишек, а перед смертью сказала, что кормить нас ей больше нечем, и нам нужно выживать самостоятельно.

Мы вернулись в свой дом. Он пустовал. Немцы не рисковали располагаться в домах, боялись, поскольку партизаны их оттуда научились "выкуривать". Фашисты устроились на кордоне все вместе. Рыли себе землянки, там и кухня у них располагалась. На эту кухню мы, ребятишки, человек шесть бегали просить у немцев еду. У нас были солдатские жестяные котелки, и мы с этими котелками ходили на кухню в надежде, что нам тоже что-то перепадет. И вот, помню, идёт немец, у него в котелке суп гороховый, запах невозможно вкусный, а в крышке - две котлеты и гарнир доверху. Подошёл ко мне и ударом ноги выбил у меня котелок. А сам сел на пригорок и ест. Я в слёзы, бегу, кричу: "Мама, мама!". И тут слышу сзади крик: "Киндер, киндер!" Второй немец мой котелок поднял и меня догоняет. Остановил, перелил в мой котелок весь свой суп, положил на крышку котлету и половину гарнира. И назад пошёл... А у меня и слёзы сразу высохли: поесть дали!

... В своём доме нам одним было страшновато. Тогда дедушка Громов, который жил на нашей улице и у которого своих детей было четверо, собрал нас и других женщин к себе, и снова мы стали выживать "всем миром".

Немцы стояли у нас два года. А в 1943 году, когда началось большое наступление наших войск, фашисты бежали. Помню, к дедушке Громову пришёл немецкий офицер. Он обращался к деду "камрад" и предупредил, чтобы мы прятались, поскольку фашисты отступают и будут уничтожать всё. А куда прятаться? Мы - в ельничек. Сели под ёлки и думаем, что делать. И тут началась стрельба. Нас ветками еловыми засыпало. Тогда дед Громов скомандовал: "Бежим к погребу!". До погреба бежать через огороды. А над

нами - низко-низко! - самолёт немецкий. Подумать успела: "Если б чуть повыше была - рукой дотянулась". Смотрю на самолёт, а самой страшно. Дед Громов успокаивает: "Не бойтесь, если бомбы начнёт бросать, они до нас не долетят - их в сторону отнесёт". В общем, добежали до погреба, спрятались. Дед Громов ушёл обстановку разведать: если, говорит, через полчаса не вернусь, значит, схватили меня, либо погиб. В тесном и тёмном погребе минуты тянулись бесконечно. А потом крышка приоткрылась, и мы услышали голос деда Громова: "Выходите, мои хорошие, наши в городе!"...

Галина Петровна ГОЛОВИНА,
жительница Мегиона, пенсионерка,
инвалид 2-й группы